

Ю.В. Хен

Вырождение человечества – реальность или иллюзия?

Творцом теории вырождения считается французский психиатр О.Морель (1809–1872), утверждавший, что люди, подорвавшие свое здоровье неправильной жизнью, отравлением и т.п., дают потомство духовно неуравновешенное, истеричное; во втором поколении появляется умственная отсталость, эпилепсия и алкоголизм; в третьем – душевные болезни и самоубийства и, наконец, в четвертом – идиотизм, всякие уродства, бездетность и, следовательно, – смерть рода, вымирание¹. Современникам Мореля, наблюдавшим вокруг себя расцвет сифилиса и туберкулеза, алкоголизма и проституции, рост психических заболеваний и преступности, вырождение представлялось совершенно реальной проблемой. Вывести человечество из тупика общей дегенерации была призвана евгеника – наука о наследственном здоровье, – основателем которой считается английский естествоиспытатель, антрополог и врач Ф.Гальтон (1822-1911).

Научным фундаментом евгеники послужило положение дарвиновской теории эволюции, согласно которому для выживания и развития биологического вида первостепенное значение имеет естественный отбор, в процессе которого наименее приспособленные особи погибают, не успев передать потомству своих негативных качеств. Это положение было использовано евгенистами для объяснения причин вырождения человечества: дело в том, что давление естественного отбора в куль-

турной среде снизилось примерно в десять раз по сравнению с природой, что неизбежно повлекло за собой ухудшение физической и психической конституции человека.

В свете «адаптированного» дарвинизма факт вырождения наконец-то обрел свое естественнонаучное объяснение. Одновременно стало понятно, что сам образ жизни человечества, его драгоценная культура является главной причиной дегенерации. Евгенист Г.Г.Штехер выразил общую обеспокоенность проблемами вырождения следующим образом: «Всякий человек, которому дороги не только личные интересы близких людей, но кому дороги интересы и судьбы всего человечества, должен задуматься над явлениями ухудшения человеческого рода, над явлениями вырождения, и должен стремиться к их устранению»².

Многие видные ученые-естествоиспытатели с энтузиазмом взялись примерять «дарвинизм» к решению социальных проблем, усилив своим авторитетом евгеническое давление на менталитет эпохи. Так, например, председатель питерского отделения Русского евгенического общества Ю.А.Филипченко для обоснования своевременности проведения евгенических мероприятий приводит следующее соображение. В своем размножении все виды животных проходят две стадии:

- 1 – стадное или массовое размножение;
- 2 – индивидуальное разведение и подбор.

«Законы размножения, как и законы наследственности, являются общими для всех живых существ, почему те же два периода размножения свойственны не только различным домашним животным, но и человеку»³. Наши деды и прадеды, пишет Ю.А.Филипченко, размножались еще массовым способом (то есть имели 8–10 детей, из которых только половина достигала возраста половой зрелости). Сегодня же в большинстве культурных стран время массового размножения безвозвратно миновало. «Само по себе, однако, это падение рождаемости и отказ от массового размножения не были бы особенно страшны, если бы и в человеческом обществе место естественного подбора занял бы искусственный, который с таким успехом применяется человеком к его домашним животным и растениям, которые, конечно, гораздо менее ценны, чем сам че-

ловек. Тем не менее, ничего подобного нет: человечество перешло от массового размножения к индивидуальному, но условия подбора сохранились прежние, и только культура направила этот фактор в еще менее выгодную для нас сторону... Надо ли удивляться, что в результате всего этого мы стоим на пороге, быть может, близкого вырождения?»⁴.

Рассуждения на тему вырождения человечества – любимый конёк всякого последовательного дарвиниста. Так Н.К.Кольцов пишет, что «благодаря подъему культуры и распространению идеи равенства борьба за существование в человеческом обществе утратила свою остроту и благотельный естественный отбор практически прекратился»⁵. Ю.А.Филипченко, перечисляя конкретные признаки ухудшения здоровья населения, пишет следующее: «...в настоящее время благодаря изменению культурой нормального хода подбора замечается безусловное ухудшение многих качеств современного человека... Одним из симптомов подобного ухудшения является уменьшение способности сопротивляться различным неблагоприятным условиям вроде холода, голода, а также многим болезням. Люди, живущие в культурных условиях, гораздо хуже переносят всевозможные лишения, гораздо тяжелее реагируют на простуду и некоторые другие заболевания, которые раньше были практически неизвестны, между тем за последнее время число недугов, которым подвержено человечество, становится все больше и больше. Несомненно, все это является следствием известного наследственного ослабления конституции, произошедшего благодаря тому, что подбором в настоящее время устраняются далеко не все слабые элементы, которые передают эту слабость потомству»⁶. Л.Вольтман выступает в этом же ключе. Он пишет, что многочисленные гигиенические и санитарные мероприятия цивилизованных государств приобретают особое звучание с точки зрения теории естественного отбора. Например, искусственное уменьшение острых инфекционных болезней увеличивает органические и инфекционные заболевания, так как при эпидемиях истребляются большей частью те индивиды, которые страдают этими пороками. «В особенности мы должны указать на ограничение детской смертности как на явление, способное

причинить подобное ухудшение расы... Поучительный пример отрицательного действия гигиенического отбора представляет еврейская раса»⁷.

Ослабление давления естественного отбора отражается также в многочисленных более мелких изменениях к худшему, например в снижении остроты слуха, зрения (даже среди молодежи появились люди в очках — с сожалением отмечает Ю.А.Филипченко) и обоняния. То же можно сказать о состоянии зубов и женского полового аппарата. Все это хотя и не представляет непосредственной угрозы жизни, но свидетельствует о том, что «нормальное развитие органов чувств потеряло в современных условиях свою высокую подборную ценность, и благодаря этому близорукость и многие другие дефекты того же рода, не сдерживаемые более подбором, начинают широко распространяться среди населения»⁸.

Ю.А.Филипченко подчеркивает, что ухудшение здоровья населения отмечено во всех развитых странах, и это означает, что вырождение стало «мировым процессом». Поэтому нужно, чтобы и в человеческом обществе место естественного подбора занял искусственный, который постепенно приведет к улучшению будущих поколений. А так как это и является задачей евгеники, то насущная необходимость ее в настоящее время может считаться совершенно доказанной.

Л.Вольтман указывает на христианскую мораль как на основной источник идей, чреватых вырождением человечества: «У цивилизованных народов, развивших свои социальные чувства и представления под влиянием христианской морали и гуманных идей, возникают мотивы и для индивидуальных действий и общественных учреждений, которые способны ограничить или даже совсем отменить гигиенический отбор. Филантропические чувства могут здесь достигнуть такой власти над умами, что сострадание к слабым, больным и менее способным оценивается в таких обществах прямо как высочайшая добродетель»⁹.

Мода на дарвинизм усугубила путаницу в вопросе о вырождении, поскольку, не подвергнув критическому отбору имеющиеся факты и не определившись с понятиями, авторы евгенических проектов ограничились интуитивным убеждением в

том, что свидетельства вырождения имеются, и в дальнейшем заботились только о непротиворечивом описании процесса. При всем уважении к выдающимся достижениям в области биологии, которыми мировая наука обязана Н.К.Кольцову и Ю.А.Филипченко, очевидно, что их евгенические рассуждения не отличались оригинальностью: они только зафиксировали расхожее представление о вырождении вследствие ослабления естественного отбора. Профессор мюнхенского университета О.Бумке (врач-психиатр) в своем критическом очерке «Культура и вырождение» указывает на фактическую бездоказательность столь популярной в то время теории вырождения, которая основывается не столько на фактах, сколько на интуитивном убеждении в том, что здоровье людей подвержено негативной динамике. И дело даже не в том, что фактического материала недостаточно, а в том, что, рассуждая о вырождении мы попадаем во власть терминологической неразберихи. «Когда Морель начал писать о дегенерации, слово это уже давным-давно существовало и употреблялось (и раньше и в дальнейшем) самым различным образом и по самым разным поводам»¹⁰. Неопределенность понятия психического заболевания (безумие, алкоголизм, эпилепсия, самоубийство) и физических пороков (бездетность, уродства) ведет к тому, что всякий волен трактовать известные факты в зависимости от своего видения картины вырождения. Таким образом получается, что одни авторы констатируют рост психических заболеваний и их отягчение из поколения в поколение (Ч.Ломброзо), а другие, напротив, отмечают, что ничего подобного не происходит и что, более того, в ряде семейств имеет место не дегенерация, а регенерация (О.Бумке). «В настоящее время нет ни одной эндогенной или нервной болезни, нет вообще такого нервного симптома, которых не пытались бы относить к дегенерации, а так как наследственный генез этих расстройств принимается – верно ли, нет ли – за какую-то аксиому, то в психиатрии понятие вырождения совпадает с понятием *психопатической конституции*»¹¹. О наследственном же вырождении, подчеркивает О.Бумке, можно говорить только тогда, когда каждое последующее поколение слабее предыдущего, а если этого нет, то мы имеем дело с простым случаем плохой наследственности.

По окончании второй мировой войны проблему вырождения постигла та же участь, что и евгенику в целом: говорить о вырождении стало невозможно без того, чтобы немедленно не быть заподозренным в евгенических намерениях. Такой исход представляется закономерным, учитывая, что представление о дегенерации (некоторых рас и этнических групп – в большей степени, чем других) составляет основу евгенических теорий и расово-гигиенических рекомендаций. С другой стороны, факт дегенерации как бы объективным образом вытекал из теоретических положений дарвинизма – признанной естественнонаучной доктрины, от которой никто не собирався отказываться. Поэтому официального запрета на разговоры о вырождении не было, хотя, конечно, она не обсуждалась так активно, как в 20–30-е годы.

Кроме того, в послевоенном мире продолжала развиваться статистика, оказались востребованными такие дисциплины, как демография и социология, опиравшиеся на ту же фактологическую базу, что и евгеника. Таким образом, хотя говорить о вырождении было не принято, но материалы, необходимые для оценки человечества с этой точки зрения, продолжали копиться, причем еще более интенсивно, чем в период расцвета «дегенеративной» тематики, разрабатывались новые методы анализа, информация о человеке и человечестве становилась все более полной. Другими словами, внутренняя логика развития научных методов способствовала тому, что факт дегенерации человечества оставался предметом исследований, невзирая на негласный общественный запрет изучать социальную *ценность* человеческих индивидов. Косвенным образом развитие статистических методов способствовало смещению акцентов в изучении дегенерации: если в довоенный период евгенисты концентрировали внимание на физическом вырождении, то сегодня больше говорят о динамике когнитивных способностей, а место расистского подхода заняла оценка социального статуса и «успешности», которая в современных исследованиях нередко ассоциируется с интеллектом.

Значение статистического анализа увеличивается также в связи с ростом населения на земном шаре, и здесь представление о «неравноценности» человеческих индивидов (евгеничес-

кое по своей сути) также играет большую роль, становясь основой многочисленных экологических теорий типа «золотого миллиарда», исходящих из положения, что раз уж всем людям на земле явно не хватает места и ресурсов, то надо ограничить размножение нежелательных элементов, чтобы более ценные индивиды могли сохранить высокий стандарт жизни.

Многие популярные сегодня дисциплины – генная инженерия, медицинская генетика и разнородный блок экологических теорий (глубинная экология, теория золотого миллиарда, неомальтузианство (всё еще!)) – в скрытой или явной форме опираются на представление об ослаблении здоровья населения, ухудшении его качественного состава (перевес малоценных индивидов над более ценными), росте демографического дисбаланса (старение населения, перевес смертности над рождаемостью), возрастании генетического груза вследствие загрязнения окружающей среды, развития биотехнологий и употребления в пищу генномодифицированных продуктов. Благодаря развитию информационных технологий, делающих результаты различных статистических обследований и экологического мониторинга достоянием гласности, растут эсхатологические настроения среди населения. Таким образом, представление о вырождении проникает в менталитет, где не может быть оценено критически. Для оценки действительного состояния вырождения человечества предстоит проанализировать четыре группы аргументов: экологические теории, медицинскую статистику, данные об изменении когнитивных способностей и влияние на генофонд биотехнологий (внедрение генномодифицированных продуктов).

Тема перенаселения неожиданным образом высветила старые мальтузианские представления. В частности, оказалось, что многие из наших современников по-прежнему считают, что формула Мальтуса о геометрической прогрессии в размножении живых организмов соответствует действительности и, таким образом, биологический вид как бы запрограммирован на самоуничтожение в результате полного истощения ресурсов. Создается впечатление, что критика расчетов Мальтуса (довольно обширная) осталась незамеченной. Между тем, как отмечает Ю.В.Чайковский, уже первый переводчик Мальтуса на рус-

ский язык П.А.Бибиков писал в предисловии, что все животные и растительные породы ведут борьбу двоякого рода: обусловленную конкуренцией и нисколько от нее не зависящую, и чем сильнее борьба, не зависящая от конкуренции, тем слабее борьба, вызываемая ею (1865 г.). В подтверждение своего тезиса он привел много примеров, и среди них такой: катастрофическое размножение сусликов на юге России прекратилось не потому, что был съеден весь хлеб, а от повального их заражения глистами¹². Еще Мальтуса пугали многодетные семьи, но П.А.Бибиков предложил простейшую процедуру – исследовать их в течение нескольких поколений. По его наблюдениям получилось, что феномен многодетности наследуется не более чем на 1–2 поколения.

Современный физик и демограф С.П.Капица пишет, что рост населения в ходе истории шел гораздо быстрее, чем полагал Мальтус, но при этом рост ограничивается не только пищевыми ресурсами, а всем комплексом свойств самого человечества и его связей с природой; в настоящее время в развитых странах рост сменился тенденцией к стабилизации и в течение XXI в. численность должна стабилизироваться во всем мире на уровне около 12 млрд человек, что по некоторым оценкам считается экологически приемлемым¹³.

В свое время из труда Мальтуса был сделан необоснованный вывод – что всякая популяция сама по себе стремится к неограниченному росту, пресекаемому лишь нехваткой ресурсов (прежде всего, пищи). И мнение это до сих пор весьма распространено. В исследовании биофизика В.Л.Воейкова утверждается, однако, что в природе такой рост наблюдается только в патологических популяциях вроде раковой опухоли или нашествий саранчи. Оказывается, «мальтузианская» схема безудержного размножения, ограниченного только борьбой за внешний ресурс, точно описывает не эволюцию, а редкие патологии вроде нашествия саранчи, кончающиеся гибелью популяции, размножающейся по мальтузианской схеме. В остальной эволюции, как и в онтогенезе, всякий рост численности (молекул, клеток, организмов) строго подчинен той системе, частью которой объект является. Обилие семян и спермиев обычно, а обилие потомков, друг с другом конкурирующих, – редкость.

«Все виды, не только животные, но и растительные и даже бактериальные, обладают эффективными средствами регулирования своего размножения, ослабляющими и даже сводящими на нет конкуренцию внутри вида. Все нормальные популяции, начиная с молекулярного уровня, обладают жесткими механизмами регуляции своей численности, а все «мальтузианские» быстро гибнут»¹⁴.

Контекстуальный смысл приведенных рассуждений таков, что расчеты Мальтуса неверны, и человечество не должно размножаться в геометрической прогрессии, ибо это противно его природе. С другой стороны, основной довод евгеники классического образца (о необходимости применения к человечеству мер искусственного отбора) строился на утверждении, что человечество, в силу действия культурных факторов (сострадание к слабым, социальные программы защиты малоценных слоев населения, медицинская помощь больным и т.д.), вырвалось из-под давления естественных законов, и его размножение уже не подчиняется ограничениям, действующим в природе. Таким образом, доводы анти-Мальтуса нельзя отнести к человечеству, если только не рассматривать его в качестве примера патологической популяции, вроде саранчи или раковой опухоли. Фактически мальтузианские расчеты, на которых, кстати, основывались дарвиновские представления о механизме борьбы за существование, относятся *только* к человечеству (и другим патологическим популяциям). Биологически человек не запрограммирован на безудержное размножение, но по мере развития культуры и цивилизации он научается все лучше уклоняться от действия механизмов «внутрисистемной регуляции», задачей которых является удерживать размеры популяций в рамках, допустимых для дальнейшего существования данной системы. В недалеком прошлом чума и грипп еще могли ощутимо повлиять на численность населения, но при сегодняшнем развитии медицины и гигиенического просвещения убыль населения от любой эпидемии ничтожна по сравнению с его общей численностью. И если проводить аналогию между человечеством и раковой опухолью, то можно сказать, что «заболевание» достигло той стадии, когда любое вмешательство хирурга только подстегивает размножение патологических клеток. Это

соображение следует учитывать, анализируя причины живучести (если не сказать актуальности) евгенических представлений: основная задача «качественной демографии» состоит именно в том, чтобы ограничить темпы роста человечества.

В скрытой форме (без ссылок на разработки евгенистов) это представление содержится в популярной нынче концепции устойчивого развития, которая предполагает, что стабильность мирового сообщества требует поддержания оптимальной численности населения. А.П. Назаретян пишет, что «по канонической версии устойчивого развития население Земли должно быть сокращено в 6–10 раз (концепция «золотого миллиарда»). В «патриотической» прессе уже появились сообщения о расплывчатой зарубежными глобалистами квоте по странам, согласно которой России предлагается к 2020 г. снизить численность населения до 50 млн. человек. Возможно, это очередная газетная «утка». Но ей поверили и некоторые исследователи, решившие, что идея «золотого миллиарда» рано или поздно потребует конкретизации»¹⁵. Автор анализирует доводы сторонников указанной концепции и приходит к выводу, что существующие способы подсчета «квот» несостоятельны, поскольку основаны на абсолютизации настоящего положения дел и произвольно выбирают группы, подлежащие сокращению.

Следует заметить, что все существующие футуристические сценарии (к их числу относятся и экологические теории) несут на себе отпечаток старых евгенических традиций. Во-первых, они преследуют ту же цель, что и классическая евгеника — создание более совершенного человечества (в экологической редакции — совершенного человеческого общества, живущего в гармонии с окружающей средой). Во-вторых, этим теориям присущи структурные элементы, характерные именно для евгенического дискурса: идея вырождения, отсылки к объективному знанию как основе прогнозов и апелляция к государственному контролю как основному механизму осуществления прогрессивных преобразований. С другой стороны, поскольку евгеника успела себя скомпрометировать, названные доктрины не признают своего родства с ней. Под влиянием этого обстоятельства изменяется формулировка и акценты в традиционной евгенической проблематике. Например, тема вырожде-

ния мутирует в проблему демографического кризиса, имеющего тройное выражение. Во-первых, абсолютное количество людей на земле растет слишком быстро, угрожая равновесию экосистемы. Во-вторых, изменяется расовый баланс, поскольку рождаемость в странах третьего мира выше, чем в западных странах. И, в-третьих, повышается средняя продолжительность жизни, население стареет вследствие развития медицины и геронтологических техник. Политические последствия этих процессов отражены в различных демографических сценариях будущего, суть которых Ф.Фукуяма суммировал следующим образом: «В то время как некоторые развитые страны подошли к барьеру рождаемости, не обеспечивающей воспроизводство населения, или даже перешли его, и их население стало уменьшаться, многие бедные страны, в том числе ближневосточные и страны околосахарской области, поддерживают высокие темпы роста населения. Это означает, что разделительная линия между первым и третьим миром начинает разделять не только доходы и культуру, но и возраст: в Европе, Японии и частично Северной Америке средний возраст будет около 60, а у их менее развитых соседей – между 20 и 30 годами... И много есть вопросов, не имеющих ответа, на тему о том, какова может быть жизнь в подобном будущем, поскольку никогда в истории человечества не было общества, где средний возраст равнялся 60, 70 или больше лет»¹⁶. Негативные последствия этого процесса уже сегодня достаточно очевидны.

«Демографический кризис» – другое название для проблемы вырождения. Косвенным указанием на это является то, что евгеника в период своего расцвета именовала себя «качественной демографией», то есть видела одной из своих задач оптимизацию социальной структуры населения. Кроме того, «объективные» данные демографии могут быть использованы различным образом, например для оправдания активной демографической (или евгенической) политики, поощряющей размножение одних групп населения и сдерживающей размножение других. Считается, что крах практических программ расовой гигиены доказал, что людей нельзя делить на ценных и малоценных, достойных участия в воспроизводстве населения и нет. Но реально провал евгеники показал только, что на этом

пути невозможно найти приемлемого политического решения (по крайней мере, средствами «науки») и что существовавшие в прошлом веке методики выявления лиц, подлежащих отстранению от процесса размножения, несовершенны и научно не обоснованы. Однако это нельзя считать доказательством того, что все люди равноценны в духовном и физическом смысле (да это и не так). Тем не менее тема вырождения была изъята из открытого обсуждения и загнана в подсознание, где трансформировалась в представление о низком уровне развития отдельных индивидов, социальных групп, народов и т.д., и о том, что эти категории (судя по представленным выше демографическим сценариям) угрожают благополучию человечества не в меньшей степени, чем «волна идиотизма», захлестнувшая Европу накануне второй мировой войны (выражение доктора Мьюена).

Изменение статуса евгеники выразилось также в том, что современные продолжатели ее дела не занимаются разработкой «практических программ» и открыто не дают «рекомендаций правительствам». Но прогнозируемое ими будущее настолько мало соответствует футуристическому идеалу западной цивилизации (молодое здоровое население, приверженное прогрессу, но хранящее вековые культурные традиции), что подспудно подводят к мысли о необходимости начать проведение активной и грамотной демографической политики. Концепции типа «глубинной экологии» делают это менее явно, но все равно делают (невозможно «думать как гора» в условиях перенаселенного мегаполиса). А концепции «золотого миллиарда» делают это более прямо. Чтобы понять это, достаточно, например, представить, как можно сократить население России до 50 млрд человек. Видимо, придется, в соответствии со старой евгенической практикой, отделять более достойных от достойных в меньшей степени. Причем, поскольку речь идет о 2020 г. (срок менее жизни одного поколения), простым сокращением рождаемости ограничиться не удастся, кого-то придется физически уничтожить. А это выводит из зоны умолчания традиционную евгеническую триаду проблем: как отделить одних людей от других, кто вправе решать этот вопрос и что делать с выбракованными особями.

Разработчики «квот» ничего об этом не говорят, предоставляя решение этих проблем (опять же в соответствии с традицией старой евгеники) государству.

Идея вырождения представлена сегодня и в более традиционной форме, в виде медицинской статистики, которая со времен Н.К.Кольцова и Ю.А.Филипченко стала гораздо более изощренной, но не изменилась по сути. Не подвергая сомнению данные статистики, попробуем выяснить, в какой степени оные являются доказательством процесса вырождения (т.е. наследственного ухудшения здоровья из поколения в поколение).

На первый взгляд ухудшение несомненно имеется. По современным данным сегодня 30% детей страдают близорукостью, 65% школьников имеют существенные отклонения в состоянии здоровья, более 80% призывников не могут выполнять элементарные нормы физической подготовки, более 70% трудового населения на пороге пенсионного возраста страдают от различных органических заболеваний¹⁷. Существенно выросло количество сердечно-сосудистых заболеваний, каждые 15 лет удваивается количество больных сахарным диабетом, выросло число инфекционных заболеваний, вновь заявил о себе туберкулез. Президент РАМН академик В.И.Покровский пишет, например, что «Угрожающие для безопасности государства масштабы начинает приобретать эпидемия ВИЧ/СПИД. На 1 декабря 2003 г. число инфицированных вирусом зарегистрированных лиц достигло 260 тыс. человек. Фактически их около 1 млн 90% из них – молодые люди в возрасте до 30 лет. Учитывая, что от момента заражения до смерти проходит в среднем 11 лет, даже оптимистический прогноз предполагает значительный подъем уровня смертности среди молодых людей в ближайшие годы.... Огромную социальную опасность представляют также вирусные гепатиты, особенно В, С, туберкулез и ряд природно-очаговых заболеваний»¹⁸. Впечатляющая статистика, даже если принимать во внимание, что в большинстве развитых стран мира дело обстоит несколько лучше. Однако, чтобы использовать эти данные для оправдания евгенического вмешательства (генной инженерии), требуется доказать что они являются свидетельством именно вырождения, т.е. генетически обусловленного, прогрессирующего в поколениях ухудшения конституции.

Согласно современным оценкам к наследственным относятся только 2–5% заболеваний (о наследственном характере болезни говорят при четкой зависимости между дефектом одного гена и развитием патологии), остальные связаны с нарушением целого ансамбля генов, а значит, проявление их (или не проявление) зависит от множества индивидуальных факторов¹⁹. Таким образом, хотя ухудшение здоровья населения действительно имеет место, в подавляющем большинстве случаев оно является следствием неправильного образа жизни (снижение физической нагрузки, курение, калорийное питание и т.д.), не передается по наследству и не может рассматриваться как свидетельство вырождения. В.И.Покровский замечает в этой связи: «Как ни парадоксально, существенный вред здоровью и детей и взрослых наносят сами люди, ведя неправильный образ жизни, прежде всего, неправильно питаясь. Структура питания населения страны, которую мы изучаем на основе регулярных эпидемиологических исследований, характеризуется, с одной стороны, избыточной энергоемкостью, избыточным потреблением животных жиров и легко усвояемых углеводов, с другой – глубоким и повсеместным дефицитом микронутриентов: витаминов, минеральных веществ (кальций, железо), микроэлементов (селен, йод, цинк), а также крайне низким потреблением овощей и фруктов, недостаточным уровнем обеспеченности такими жизненно важными биологически активными веществами антиоксидантной природы, как флавоноиды, индолы и др. Важно подчеркнуть, что характер и степень нарушений питания в значительной степени зависят от уровня доходов и существенно различаются у бедных (менее 50% потребительского минимума) и обеспеченных (более 500% потребительского минимума). Выявленные «нарушения» отнимают здоровье и у тех, и у других»²⁰.

К выводу о негенетическом характере сердечно-сосудистых заболеваний приходит академик Д.С.Львов, открыватель феномена «сверхсмертности» среди населения России. Он пишет, что «причина смертности от сердечно-сосудистых заболеваний «лежит не внутри, а вовне человека», т.е. в значительной степени определяется экзогенными факторами, стоящими на стороне социальной нестабильности в экономике и обществе. Иначе

говоря, решающий «вклад» в летальный исход от сердечно-сосудистых заболеваний вносит не внутренний генный фактор, а социально-психологический феномен»²¹. Косвенным подтверждением вывода об ухудшении социальных условий является и рост инфекционных заболеваний.

Отдельной темой, муссируемой сторонниками теории вырождения, является рост психических патологий и снижение умственных способностей подрастающего поколения. Как показывает современная статистика, количество интернатов для детей с синдромом Дауна удваивается каждые несколько лет, а данные по олигофрении (психическое отклонение с более размытой симптоматикой) пугают еще больше (по некоторым оценкам – 30% населения сегодня и 60% – в ближайшем будущем). Можно ли рассматривать эти данные как доказательство вырождения человечества, учитывая, что по современным представлениям от 60% до 70% дисперсии интеллекта вызвано генами (Р.Левонтин указывает цифру 80%). Представление о росте числа лиц со сниженным интеллектом в значительной мере обязано своим существованием популяризации тестов IQ, благодаря чему в поле зрения статистики попадают отклонения от нормы, на которые ранее не обращали внимания, вследствие того, что большинство олигофренов, например, удовлетворительно или даже хорошо адаптируется в обществе. Тест IQ впервые был разработан во Франции в 1903 г. Альфредом Бине. Сегодня его значение (и применение) возросло стократно, поскольку во многих странах от места индивида на кривой нормального распределения интеллекта реально зависит его жизнь – от дошкольного учреждения до приема на работу. Между тем, как замечает Р.Левонтин, «мы фактически не знаем, существует ли нормальное распределение врожденного «интеллекта», потому что неизвестно, как это таинственное качество можно определить»²². Дело доходит до курьезов, например, некий педагог пишет, что интеллект это то, что измеряется тестом IQ. В свете данной неопределенности удивляют существующие оценки генетической обусловленности дисперсии интеллекта (они были приведены выше). Поголовное ген-скринирование населения (которое могло бы дать материал для оценки вырождения, в том числе и когнитивного) остается проектом, далеким от заверше-

ния даже в наиболее развитых странах мира. Кроме того, как замечает Ф.Фукуяма, «Просто идентифицировать гены в геноме — еще не значит знать, что они делают. За последние 20 лет достигнут большой прогресс в поиске генов, связанных с муковисцидозом, серповидноклеточной анемией, хореей Гентингтона, болезнью Тея-Сакса и так далее. Но это все в некотором смысле простые нарушения, в которых патологию можно проследить до неверной аллели... Когда же дело доходит до состояний и поведения более высокого порядка, таких как интеллект, агрессия, сексуальность и прочее, то сегодня мы знаем лишь по исследованиям генетики поведения, что какие-то генетические причины здесь действуют. Но мы понятия не имеем, какие гены в конечном счете за что отвечают, и подозреваем, что причинно-следственные связи здесь невероятно сложны»²³.

Источником представлений о вырождении человечества являются также данные экологических мониторингов, показывающие возросшее давление не только человеческого фактора на окружающую среду, но и обратное воздействие изменившейся среды на суммарный генофонд человечества. Радиационное и химическое загрязнение способны непосредственно воздействовать на формирующийся организм. Под давлением этих факторов возрастает генетический груз. Этот факт можно считать доказанным не только на интуитивном уровне (количество новорожденных с дефектами за последние десятилетия возросло в несколько раз), хотя точность оценки именно генетического груза опять же вызывает сомнения: не проводя поголового скриннинга младенцев, невозможно отделить тератогенные патологии от врожденных, генетически обусловленных.

Генетическая опасность факторов окружающей среды возрастает в результате человеческой деятельности, что порождает совершенно новый круг проблем, с которыми людям прошлого не приходилось иметь дела. С точки зрения проблемы вырождения суть их сводится к тому, что развитие новых технологий, необходимых для обеспечения выживания все возрастающего населения земного шара, одновременно разрушает ту среду обитания, которая является наиболее органичной для человечества как биологического вида. Иначе дилемму можно сформулировать так: либо мы выживаем, но вырождаемся, либо

сохраняем прежний стандарт здоровья, но при этом жертвуем значительной частью населения земли, обрекая его на голод и низкий уровень жизни вследствие нехватки энергии (теории «золотого миллиарда» ориентированы на второй сценарий).

Норвежский эколог П.Офтедал указывает также на противоречие в мотивации и интересах представителей различных слоев общества, возникающих при оценке данной проблемы: «В настоящее время предмет нашего рассмотрения представляет очень большой интерес и включает ряд фундаментальных областей науки. Однако следует иметь в виду, что его значение определяется целым рядом привходящих моментов. К числу основных относятся следующие: как получать энергию без сопутствующих вредных выбросов, как уничтожить вредителей, не уничтожая людей, как создавать приемлемые условия жизни для всех, не используя при этом различные потенциально опасные материалы. Значение этих проблем определяется их социальными, экономическими и политическими аспектами... На уровне перехода от фактов к мероприятиям происходит смена критериев, применяемых для оценки научной деятельности, на совокупность критериев, пригодных для оценки деятельности общества. Оба набора критериев равноценны, их взаимосвязь полностью не исключается, однако различия между ними очень велики. Научные результаты оцениваются по таким критериям, как новизна и воспроизводимость. Они носят положительный и конкретный характер в противоположность критериям, приложимым к юридическим законам, которые определяются скорее традицией, чем стремлением к новизне, носят общий, а не конкретный характер. Возраст имеет большое значение: науку делают молодые, законы устанавливают старики»²⁴. Эти противоречия дают о себе знать во время принятия решений относительно допустимости разработки и внедрения новейших технологий, в том числе геномных.

В последнее время весьма привлекательной стала тема геномодифицированных продуктов, видимо способных влиять на человеческий геном, непосредственно встраивая в него инородные элементы (по крайней мере, таков подтекст многочисленных панических заявлений). В частности, группа врачей, в число которых вошли и российские, обратилась к правительствам

с требованием запретить «пищу Франкенштейна». Возможно, генетически модифицированная пища действительно вредит здоровью, но в данном случае группа врачей выступила выразителем обыденных представлений, отмеченных *безотчетным* страхом и брезгливостью в отношении новой пищи (например, помидоров с генами свиньи или земляники с генами рыбы северных пород). Не следует забывать, однако, что все живое на земле состоит из весьма ограниченного набора стандартных элементов (20 аминокислот, 4 (+1) нуклеотида), помимо этого пища в организме подвергается сложной обработке, ферментации, разложению на составляющие элементы, и далеко не всякому образованию удастся преодолеть кишечный и клеточный барьер. И совсем мало вероятно, что модифицированный ген в неизменном виде достигнет клеток зародышевого пути и будет встроен в ДНК организма (барьер Вейсмана). Современных данных совершенно недостаточно для того, чтобы делать на их основе выводы о влиянии модифицированных продуктов на генофонд и о вырождении, грозящем человечеству с этой стороны. Результаты негативного влияния, если они реально имеют место быть, можно будет выявить только через поколение, посредством сложного анализа, позволяющего отделить действие других факторов изменившейся среды обитания. Например, рост заболеваемости раком молочной железы может быть следствием не употребления в пищу соевых продуктов, а возросшего курения, алкоголизма, обычая проводить отпуск в жарких странах, увеличения возраста «первородок» и т.д.

Подводя итог, можно сказать, что перечисленные примеры ухудшения здоровья и вырождения (данные демографии, отмечающие перенаселенность, старение населения в развитых странах, медицинская статистика, когнитивные исследования, результаты экологического мониторинга) дают серьезный повод для продвижения евгенической политики. Но одновременно нельзя не заметить, что, хотя эти процессы чреваты многочисленными социальными проблемами, причины их носят явно негенетический характер, поэтому они не могут рассматриваться как результат вырождения человечества в целом. Что же касается опасений западных футурологов относительно разруше-

ния традиционной структуры общества, то они вполне оправданы, но опять же не являются свидетельством вырождения. Скорее следует говорить о смене «исторических» народов, но этот процесс шел всегда, обуславливая смену цивилизаций (общественно-исторический прогресс). Кроме того, продление человеческой жизни (одна из главных задач, декларируемых как генной инженерией, так и обычной медициной), учитывающая конечность сырьевых ресурсов земли и ограниченность ее площади, должно усугубить перенаселенность, повысить потребление генномодифицированных продуктов, привести к сокращению природных биоценозов и т.п. Таким образом, получается, что голод, многократное повышение плотности населения (эпидемии) со всеми вытекающими отсюда социальными последствиями имплицитно включены во всякий евгенический проект либералистского толка.

Перечисленные соображения позволяют заключить, что современные представления о вырождении человечества в значительной мере остаются интуитивными и являются следствием совершенствования статистических методов. Это не означает, что вырождения нет, просто на сегодняшний день оно не может считаться безусловно доказанным. С другой стороны, сами евгенические мероприятия способны спровоцировать вырождение (сокращение генетического разнообразия) и в любом случае приведут к ухудшению демографического профиля человечества и обострению социальных конфликтов.

Примечания

- ¹ *Штэхер Г.Г.* Вырождение и евгеника. М.–Л., 1927. С. 10.
- ² Там же. С. 5.
- ³ *Филипченко Ю.А.* Пути улучшения человеческого рода. Евгеника. Л., 1924. С. 149.
- ⁴ Там же. С. 153.
- ⁵ *Кольцов Н.К.* Улучшение человеческой породы (речь в годовичном заседании Русского Евгенического об-ва от 20 окт. 1921 г.) // Русский евгенический журнал. Т. 1. Вып. 1. 1922. С. 20.
- ⁶ *Филипченко Ю.А.* Цит. соч. С. 145.

-
- ⁷ **Вольтман Л.** Политическая антропология: исследование о влиянии эволюционной теории на учение о политическом развитии народов. М., 2002 (Репринтное изд. СПб., 1905). С. 239.
- ⁸ **Филипченко Ю.А.** Цит. соч. С. 146.
- ⁹ **Вольтман Л.** Цит. соч. С. 238.
- ¹⁰ **Бумке О.** Культура и вырождение. Л., 1926. С. 8–9.
- ¹¹ Там же. С. 17.
- ¹² **Чайковский Ю.В.** Эволюция. М., 2003. С. 82.
- ¹³ **Капица С.П.** Российский анти-Мальтус // Вестн. РАН. 2000. № 6.
- ¹⁴ **Чайковский Ю.В.** Цит. соч. С. 83.
- ¹⁵ **Назаретян А.П.** Демографическая утопия «устойчивого развития» // Экология и жизнь. 2002. № 4 (27). С. 15.
- ¹⁶ **Фукуяма Ф.** Наше постчеловеческое будущее: Последствия биотехнологической революции. М., 2004. С. 93, 105.
- ¹⁷ **Шевченко Ю.А.** Здоровье населения России // Наука – здоровью человека. М., 2005. С. 16.
- ¹⁸ **Покровский В.И.** Медицинская наука – здоровью человека и общества // Там же. С. 27.
- ¹⁹ **Арчаков А.И.** Постгеномные технологии и молекулярная медицина // Там же. С. 70.
- ²⁰ **Покровский В.И.** Медицинская наука – здоровью человека и общества. С. 27.
- ²¹ **Львов Д.С.** Феномен сверхсмертности, неизвестный современной науке // Наука – здоровью человека. М., 2005. С. 140.
- ²² **Левонтин Р.** Человеческая индивидуальность: наследственность и среда. М., 1993. С. 118.
- ²³ **Фукуяма Ф.** Цит. соч. С. 110–111.
- ²⁴ **Офтедал П.** Проблема генетической опасности факторов окружающей среды // Генетика и благосостояние человечества. Труды XIX Междунар. генет. конгр. М., 1981. С. 93–94.